

ЛИЧНОСТЬ НАЧИНАЕТСЯ С КУЛЬТУРЫ

Екатерина Кубышкина *

Данная статья представляет собой один из возможных ответов на вопрос, поставленный профессором Р.В. Енгибаряном в статье «С чего начинается личность. Национальность, гражданство и цивилизация: три фактора формирования человека». Так что же такое личность и с чего она начинается, какова роль культуры в ее становлении, каковы особенности современного становления личности в нынешних культурных условиях? На эти вопросы я постараюсь дать свой ответ.

Трактовка понятия «личность» - множество, каждая отрасль гуманитарного знания предлагает нам свое определение. Для моей работы наиболее оптимальным является следующее: личность - это субъект культуры, обладающий устойчивой системой социально значимых характеристик, и отождествляющего себя с определенной общностью. Почему именно эти составляющие так важны? Давайте попробуем разобраться.

Начать здесь хочется с утверждения, вынесенного в заголовок работы. Вообще на сегодняшний день культура - одно из самых часто употребляемых и ангажированных понятий, используемых в совершенно различных контекстах и для достижения порой диаметрально противоположных целей. Поэтому для начала следует попытаться в общих чертах охватить примерный спектр использования данного концепта, ну, или, по крайней мере, уяснить его структурные составляющие.

Итак, в первом приближении культура - это совокупность операциональных практик, опыта, ценностей, убеждений, заблуждений и стереотипов самого разнообразного рода. В этом смысле культура - результат социализации индивида в той или иной среде и сама эта среда. Положительный эффект здесь состоит в том, что в процессе социализации получается лояльный по отношению к самой культуре и системе, ею производимой, индивид. Отрицательный - в затрудненности инновационного мышления такого индивида: любая семиотическая система авторитарна по своей сути, она не приемлет чего-либо, что потенциально способно поставить под угрозу ее саму. Нетипичное поведение должно восприниматься как нарушение нормы, отклонение.

Далее, как и любая семиотическая система, культура позиционирует себя в двух измерениях: вовнутрь и вовне. Внешнее измерение ограничивает и отграничивает тем самым себя от не-себя, от всего остального, от других чужеродных культур, от внекультурного пространства. Внутреннее - контролирует собственную динамику и саморазвитие. Из этого вытекает еще один принцип: культура всегда часть, но никогда не целое: может быть много систем ценностей, картин мира, но не одна универсальная. Это всегда описание слона слепцами из старой притчи.

Культура - это коммуникационная система прошлого с будущим; и так же, как в обычной коммуникационной системе, ей для нормального функционирования необходимо состояние «силового сопротивления», противостояния, отличного другого.

Идея о том, что культура представляет собой знаково-символическую систему, была высказана Э. Кассирером¹ еще в первой трети прошлого века. В своем труде «Философия символических форм» он, описывая мифологию, религию и науку как особые культурно - символические системы, говорит о том, что сущностью индивида является способность к созданию символов. В этом же направлении развивались исследования Ю.М. Лотмана, который ввел для определения культуры понятие «семиосфера»². По мнению ученого, семиосфера - необходимая предпосылка языковой коммуникации. Наличие отправителя сообщения, адресата и канала связи - недостаточной набор элементов коммуникационного акта:

Итак, в первом приближении культура - это совокупность операциональных практик, опыта, ценностей, убеждений, заблуждений и стереотипов самого разнообразного рода. В этом смысле культура - результат социализации индивида в той или иной среде и сама эта среда. Положительный эффект здесь состоит в том, что в процессе социализации получается лояльный по отношению к самой культуре и системе, ею производимой, индивид. Отрицательный - в затрудненности инновационного мышления такого индивида: любая семиотическая система авторитарна по своей сути, она не приемлет чего-либо, что потенциально способно поставить под угрозу ее саму. Нетипичное поведение должно восприниматься как нарушение нормы, отклонение.

* Кубышкина Екатерина Викторовна, аспирант кафедры философии МГИМО(У) МИД России

без погруженности в единое общее семиотическое пространство система работать не будет. Иными словами, участники коммуникации должны иметь предшествующий семиотический культурный опыт, говорить на одном языке в прямом или переносном смысле.

Таким образом, индивид становится личностью именно при условии наличия у него 1) сформировавшейся системы ценностей, практик, опыта; 2) понимания многообразия картин мира и наличия иных систем ценностей и других семиотических пространств; 3) умении осознанно взаимодействовать с разными семиотическими пространствами, параллельно существовать в нескольких.

Типологий культур существует великое множество, и культурно-исторические типы Данилевского, и цивилизации А. Тойнби, и типы политических культур Г. Алмонда – все это попытки описать одно и то же явление культуры (хотя и с разных позиций и при различном наборе характеристик) и его роль в поведении индивида. Перебирать сейчас все типологии – бессмысленно. Социализируясь в определенной среде, индивид волеизволей приобретает набор характеристик того семиотического пространства, в котором находится. Очевидно, что этот набор в англосаксонской, индуистско-буддистской, даосско-конфуцианской культурах будет весьма различным. Но это пространственные характеристики, уводящие к семиотическим системам прошлого. Сейчас хотелось бы остановиться на временном измерении: особенностях современного этапа развития мира.

Культура и личность в эпоху постмодерна

Согласно Ж. Бодрийяру, симулякр появляется на четвертой стадии развития знака: «первая – отражение глубинной реальности; вторая – маскировка и извращение этой реальности; третья – маскировка отсутствия всякой глубинной реальности; четвертая – утрата всякой связи с реальностью и переход от видимости к симулякру».

«Постмодернистская культура опустошает символы, лишая их смыслового содержания; она не придает осмысленность и ценность природным и социальным явлениям реальности, а, напротив, обезличивает и обесценивает их. Созданный ею симулякр – искусственный фантом – обладает большей сенсорной и эмоциональной насыщенностью, чем образы реального мира»⁴.

Используя терминологию Бодрийяра, общество оказалось в состоянии «после оргии», выпало из реальности, ушло в себя, потеряв контроль над происходящим. Ощущение пу-

стоты быстро заполнилось первым, что попало под руку – плоским и тривиальным, тем, что принято называть «массовой культурой». После «оргии прогресса» мир неожиданно осознал, что ушел от реальности, а идеал остался в прошлом – отсюда и вечная ностальгия по вчерашнему и завтрашнему, которого никогда не будет.

Молодой постмодернизм 80-х – психически полусломленное общество, когда будущего уже нет (уже все равно – здесь зарождается нечто вроде нигилизма разрушения, наслаждение медленным уничтожением самого себя), нет и настоящего, но как-то надо жить дальше. Как сломленный человек, общество постмодерна продолжает существовать, но бездумно, бесцельно, притворяясь, что оно еще живо, обманывая себя стремлением лишь к сохранению «лица», поддержанию впечатления, что все «как надо». Так начиналась эпоха глобальной симуляции.

Дальше – тихо развивающаяся истерика, сменявшаяся к концу 90-х окончательным сломом и дальнейшим существованием общества с мертвой душой – общества «мертвых душ». Бодрийяр называет это «предупреждением смерти ценой непрерывного самоумертвления», когда «борьба со смертью ведет к переносу смерти непосредственно в жизнь, к превращению жизни в «послежитие», «пережиточность», «доживание» (survie) – это, собственно, и есть модус призрачного существования, когда место реальности занимает симулякр, оставивший реальность в далеком, забытом прошлом»⁵.

В обществе «мертвых душ» можно относиться к себе как к материалу, чему-то неживому, над чем можно безжалостно экспериментировать. «Предупреждение смерти» происходит путем высмеивания бесплодности жизни, невозможности смерти (уже просто нечему умирать – душа умерла, умер Бог в душе человечества, а телесная сущность – лишь биологический материал, ничтожный по вселенским меркам). Поэтому людям осталось лишь придаваться «забавам постмодерна»: играм с собственной смертью, играм в собственную смерть. Мы больше не изобретаем из необходимости, а только «назло», вопреки собственной сущности. Уже не получается даже оправдываться тем, что у медали две стороны, и любое изобретение можно обернуть во вред, да никто больше и не стремится к таким оправданиям. Расщепление атома предполагалось «за здоровье», сегодня же никому и в голову не придет спросить, в чем глобальная польза человечеству от атомной бомбы. А от нейтронной? А от изобретения СДЯВ, бактериологического

и химического оружия, СПИДа (или неужто природу угораздило на старости лет породить вирус, изменяющий всего-навсего один элемент в цепочке ДНК и совсем не затрагивающий остальные?), узаконивания выпуска и свободной продажи наркотиков (табачных и алкогольных продуктов, некоторых специальных лекарств)? Не показатель ли это ненормального, хотя вполне объяснимого в контексте безумной эпохи, стремления человечества преодолеть смерть, став «заодно» с ней?

«Послежитие» находит свое отражение и в том, что следствия как бы опережают причины, примером экономическим является коммерческий кредит, позволяющий приобретать и потреблять вещи, еще не заработав их, так что «их потребление как бы опережает их производство».

Это время, когда человек утопает в великом множестве созданных им самим сущностей, блуждает в бесконечно многомерном пространстве, не находя и даже не стараясь найти выход, просто выдавая это скитание за подлинную жизнь, оправдывая свое бытие бесконечным движением в никуда.

Основные черты этого времени – незавершенность и значимость всего.

В «Системе вещей»⁶ Бодрийяр называет эту незавершенность «отсроченностью», как коллекция, которая должна всегда оставаться незавершенной, а «завершающий предмет (знаменующий собой смерть коллекции и, в некотором смысле, самого коллекционера), все время является отсроченным».

Следствием симуляции является и так называемая «значимость всего». Ю.М. Лотман называет моду «процессом превращения незначимого в значимое», но в современном мире нет моды как таковой – есть множество мод, которые в сумме дуют парадоксальную значимость всего, начиная от одежды и заканчивая искусством. Вот почему окружающий нас мир – нагромождение дисгармоничных, «выдранных» из разных эпох предметов, мнений, стремлений, цитат. Когда нет цели, не все ли равно какие средства, какими средствами ее НЕ добиваться? Вкус сегодняшней эпохи – безвкусица, причем безвкусица с апломбом и претензией на всеобщность. Сегодняшний быт – тяжелый бред сумасшедшего, в котором беспорядочно намешаны все стили и эпохи:

мебель «под дерево» и линолеум «под паркет», репродукции великих мастеров, выполненные на милованной бумаге (с помощью божка современности великого Ксерокса), и соседствующие с ними картинки сегодняшних «творцов» с ближайшего рынка, обои «под кирпич» и синтетика «под шерсть», стекляшки «под бриллианты» и пластик «под стекло» – продолжать можно бесконечно. Мебель у нас из опилок, зато заборы из дерева...

Возвращаясь к Бодрийяру, нельзя не вспомнить его схему «трех порядков» симулякров, сменяющих друг друга, начиная с эпохи Возрождения и заканчивая современностью: «подделка – производство – симуляция». Современное информационное общество дает начало симулякру следующего порядка – симулятивной коммуникации.

Эта коммуникация подменяет не только свой предмет, но и объект – самого коммуникатора, имитируя взаимодействие там, где оно уже закончилось или не начиналось вовсе. По мнению Ж. Делеза⁷, «наблюдатель становится частью самого симулякра, а его точка зрения трансформирует и деформирует последний». В этом смысле показателен Internet, где общение находится вне временных и пространственных координат, то есть происходит симуляция таких понятий как время, пространство, информация. Больше неважно авторство, неважно, кто запустил информацию в Интернет: и доклад троечника, и диссертация, и труды классиков 18 века – все одинаково свободно, одинаково безлично. В Сети нет расстояний – собеседник может находиться в соседнем подъезде, другом городе или на совсем другом континенте – теперь это не имеет значения: сигнал проходит одинаково быстро. Интернет анонимен, он позволяет менять маски как... маски, «примерить» любой пол и возраст, создавать все новые «легенды», творить все новые симулякры симулякра своей жизни. Для человека в информационном, искусственном обществе безразлична реальная жизнь, важен лишь формальный статус, имеющий свой упрощенный код («благосостояние», «престижная работа», «новая машина», «большая квартира»). Каждый новый симулякр – порождение другого, причем первопричины уже давно потеряны, и человеку остается только существовать в мире симулякров.

PERSONALITY TAKES ORIGIN IN CULTURE

The paper is one of the possible answers to the question posed by Professor Robert V. Engibaryan in his work «Civilization, Ethnic Origin and Citizenship as Crucial Criteria Moulding Human Personality and Behavior». The paper tries to give answers to such questions as: what does the term “personality” mean?; Where does it take its origin?; How important is the role that culture plays in its

formation?; What are the characteristics of the modern stage of personality formation in the current cultural context?

Catherine Kubishkina, Research Student,
Department of Philosophy, MGIMO (University)
under the Ministry for Foreign Affairs of Russia.

Ключевые слова:

личность, культура, ценности, практики,
семиотика, семиотическая система,
симулякр, постмодерн.

Keywords:

personality, culture, values, practices, semiotics,
semiotic system, simulacrum, postmodernism.

Литература:

- ¹ Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. М., СПб., 2002.
- ² Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- ³ Baudrillard J. Simulacreset simulation. P., 1981.
- ⁴ Маслов О.Ю. Лабиринт и тупик. 2009.
- ⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть.
- ⁶ Система вещей / Le système des objets (1968. Русский перевод 2001).
- ⁷ Делёз Ж. Логика смысла. М., Екатеринбург, 1998.